

**К**

огда Марта Хейл открыла наружную дверь, пронизывающий северный ветер ударил ей в лицо, и она метнулась обратно в дом за большим шерстяным шарфом. Обматывая его вокруг головы, она обвела взглядом свою кухню. Ей предстояло отлучиться по необычному делу — раньше в округе Диксон не случалось ничего подобного. Но поездка эта была совсем некстати: поднялось тесто для выпечки, и только половина муки просеяна.

Она терпеть не могла бросать дела, не закончив их. Марта как раз хлопотала по хозяйству, когда команда из города заехала за мистером Хейлом. Шериф зашел сказать, что его жена была бы рада, если Марта с ними поедет. Ухмыляясь, он добавил, что его супруга просто испугалась и нуждается в компании другой женщины. Поэтому Марта оставила на кухне все, как было.

— Марта! — услышала она нетерпеливый голос мужа. — Не заставляй нас ждать на холоде!

Она снова открыла наружную дверь и направилась к коляске, в которой сидели трое мужчин и женщина.

Укутавшись в накидку, Марта посмотрела на женщину, которая сидела рядом с нею на заднем сидении. Она впервые увидела миссис Питерс год назад на окружной ярмарке. Та совсем не походила на жену шерифа: маленькая, худенькая и со слабым голосом. Жена прежнего шерифа, миссис Горман, обладала голосом, в каждой нотке которого звучало правосудие. Но если миссис Питерс не выглядела как жена шерифа, то сам мистер Питерс был шерифом до мозга костей. Это был крупный громкоголосый мужчина, который держался подчеркнуто приветливо с законопослушными гражданами, чтобы показать, как легко он отличает преступников от порядочных людей. Тут миссис Хейл пронзила острая, как кинжал, мысль: сейчас он такой обходительный и оживленный, потому что едет в дом Райтов в качестве шерифа.

— Пейзаж в это время года довольно унылый, — осмелилась завести разговор миссис Питерс; ей казалось, что они, как и мужчины, тоже должны беседовать.

Не успела миссис Хейл ответить, как их коляска поднялась на вершину небольшого холма, откуда был виден дом Райтов. Миссис Хейл смотрела на него, и болтать ей совсем не хотелось. Дом, окруженный печальными тополями, стоял в лощине. Этим холодным мартовским утром он казался особенно одиноким. Мужчины смотрели на жилище Райтов и обсуждали случившееся, а окружной прокурор перегнулся через борт коляски и внимательно разглядывал приближающийся дом.

— Я так рада, что вы поехали со мной, — с волнением сказала миссис Питерс, когда они собирались войти в дом вслед за мужчинами.

Стоя на ступеньках и держась за ручку, Марта Хейл подумала, что не сможет перешагнуть через порог попросту, потому что никогда не бывала там раньше. Много раз за эти годы она говорила себе: «Надо бы поехать и навестить Минни Фостер». Она так и звала ее — Минни Фостер, хотя та уже двадцать лет была замужем за мистером Райтом. Но всегда находились дела, и она забывала о Минни. Но только не в этот раз.

Мужчины подошли к печке. Женщины держались у двери. Окружной прокурор, молодой Хендерсон, повернулся и сказал: «Погрейтесь у огня, дамы».

Миссис Питерс сделала шаг, но потом остановилась. «Я не замерзла», — сказала она.

Мужчины были благодарны, что шериф распорядился затопить с утра печку. Мистер Питерс расстегнул пальто и оперся руками о стол, всем своим видом показывая, что с этого момента начинается официальное расследование.

— Итак, мистер Хейл, — церемонно начал он, — прежде чем мы двинемся дальше, расскажите мистеру Хендерсону, что вы увидели, когда зашли сюда вчера утром.

Окружной прокурор осматривал кухню.

— Кстати, ничего не трогали? — он повернулся к шерифу. — Все так, как и было вчера?

Взгляд Питерса заскользил по кухне — буфет, умывальник, старенькое кресло-качалка, кухонный стол.

— Да. Все, как и было.

— Надо было бы оставить тут кого-нибудь.

— Вчера... — начал шериф, и по его жесту можно было догадаться, что он об этом дне даже вспоминать не хочет. — Уж поверьте мне, вчера работы было по горло. Я знал, Джордж, что ты вернешься из Омахи только сегодня, поэтому был вынужден работать тут один...

— Что ж, мистер Хейл, — тон прокурора говорил о том, что о прошлом и толковать нечего, — расскажите, что вы вчера здесь увидели.

Миссис Хейл все еще стояла, прислонившись к двери, и сейчас у нее было чувство, которое нередко возникает у матери, чей ребенок собирается прочитать стих. Льюис часто отклоняется от темы и запутывает слушателей своим рассказом. Она надеялась, что сейчас он объяснит все просто и понятно, и его рассказ не навредит Минни Фостер. Муж начал говорить не сразу, и она заметила, что ему не по себе.

— Мистер Хейл? — напомнил о себе окружной прокурор.

— Мы с Гарри повезли в город картошку, — начал рассказ муж Марты.

Гарри был их старшим сыном. Сегодня он с ними не поехал, потому что вчера картофель так и не добрался до города, и пришлось везти его сейчас. Гарри уже не было дома, когда к ним заглянул шериф и попросил мистера Хейла поехать к Райтам, чтобы показать окружному проку-

рору все на месте. Тут к душевным переживаниям миссис Хейл прибавилось опасение, что Гарри, возможно, легко одет, а поднялся такой холодный ветер.

— Мы ехали вон по той дороге, — продолжал мистер Хейл, махнув рукой в сторону холма. — Показался дом Райтов, и я сказал Гарри: «Пойду спрошу у Джона, не будет ли он устанавливать телефон». Видите ли, — стал объяснять ее муж Хендерсону, — если кто-нибудь в округе тоже согласится, то тогда протянуть телефонную линию в нашу сторону будет дешевле. А платить одному мне не по карману. Я с Райтом на эту тему уже говорил, но он отказался — сказал, что сейчас все только и делают, что болтают, а он любит тишину и покой. Ну, вы знаете, что сам-то он не слишком был разговорчив. Но я подумал, что лучше потолкую с ним при его жене, расскажу, как всем женщинам нравятся телефоны, и что телефон в такой глуши — хорошая вещь. Я это и Гарри сказал, да еще прибавил, что вряд ли на Джона повлияет его жена.

Ну вот! Опять он говорит не то, что надо. Миссис Хейл постаралась перехватить его взгляд, но тут, к счастью, окружной прокурор перебил его:

— Мы вернемся к этому позже, мистер Хейл, сейчас мне хочется узнать, что вы увидели, когда вошли в дом.

На этот раз ее муж говорил неторопливо, взвешивая слова:

— Я не заметил и не услышал ничего подозрительного. Постучал в дверь. Тишина. Я знал, что они наверняка проснулись — был уже девятый час, — поэтому я постучал еще, на этот раз громче. Мне показалось, что я услышал, как кто-то сказал: «Войдите». Но я и сейчас в этом не уверен. Я открыл дверь — вот эту, — он указал на дверь, около которой сейчас стояли женщины, — и здесь, вот в этой самой качалке увидел миссис Райт.

Все, кто был в комнате, посмотрели на кресло-качалку. Миссис Хейл подумала, что у Минни Фостер не могло быть такого кресла, по крайней мере, у той Минни, которую она знала двадцать лет назад. Это было покосившееся старенькое кресло со сломанной спинкой.

— Как она выглядела? — спросил прокурор.

— Ну... странно.

— Что вы имеете в виду? — уточнил тот, доставая карандаш и записную книжку.

Миссис Хейл почему-то не понравился этот карандаш. Она, не отрываясь, смотрела на мужа, как будто ее взгляд мог предостеречь его от ненужных слов, которые будут записаны и причинят Минни неприятности.

Хейл говорил осторожно, будто карандаш тоже на него подействовал.

— Она словно устала и не знала, что ей делать дальше.

— Как она восприняла ваш приход?

— Мне кажется, она не обратила на меня внимания. «Здравствуйте, миссис Райт, — сказал я. — Ну и холод, правда?» — «Разве?» — отозвалась она и сидит заглаживает руками складки на фартуке. Конечно, я удивился. Она не пригласила меня погреться у огня или присесть. Просто сидела, даже не смотрела на меня. «Я хочу поговорить с Джоном», — сказал я. И тут она засмеялась, если можно так сказать. «Могу я поговорить с Джоном?» — спросил я немного резче, потому что вспомнил, что меня ждут. «Нет», — ответила она безжизненным голосом. «Его нет дома?» Тут она посмотрела на меня. «Нет, — отвечает, — он дома». — «Почему же я не могу с ним поговорить?» — спросил я, теряя

всякого терпение. «Потому что он умер», — и опять заглаживает складки. «Умер?» — я опешил. Она спокойно кивнула, раскачиваясь в кресле. «Как? Где он?» — спросил я, не зная, что и сказать. Она махнула наверх. Я хотел подняться туда, но потом растерялся, зашагал по комнате. «Как... Отчего он умер?» — спросил я. «От веревки на шее», — ответила она, а сама снова за складки.

Мистер Хейл замолчал; он стоял и смотрел на кресло-качалку, как будто снова видел перед собой ту женщину. Остальные тоже молчали, словно и перед их глазами возникла та же картина.

— И что вы сделали потом? — нарушил тишину окружной прокурор.

— Я выбежал, позвал Гарри. Я подумал, что он мне поможет. Когда прибежал Гарри, мы поднялись наверх, — голос Хейла упал почти до шепота. — Он лежал там... на...

— Мы займемся этим, когда поднимемся наверх, — перебил его прокурор. — Вы все нам там покажете. Сейчас просто расскажите, что было дальше.

— Я хотел снять веревку. Это было...

Он остановился, и лицо его исказилось.

— Тут Гарри сказал, что Джон мертв, и нам лучше здесь ничего не трогать. Поэтому мы спустились вниз. Она все сидела в своем кресле. «Вы кому-нибудь сообщили?» — спросил я. «Нет», — спокойно отвечает она. «Кто это сделал?» — спросил серьезно Гарри, и она сложила руки на фартуке. «Не знаю», — говорит она. «Не знаете? — удивился Гарри. — Разве вы не спали рядом с ним?» — «Спала, но он лежал с краю» — «Кто-то накинул ему веревку на шею и задушил, а вы даже не проснулись?» — «Не проснулась», — повторила она. Наверно, вид у нас был растерянный, поэтому она добавила: «Я сплю крепко». Гарри хотел еще что-то спросить, но я сказал, что это уже не наше дело, тут нужен шериф или коронер. Гарри со всех ног помчался к Риверзам с Хай-роуд — у них есть телефон.

— И что она сделала, когда узнала, что придет коронер? — спросил окружной прокурор, и его карандаш завис над записной книжкой.

— Она пересела вон на тот стул, — Хейл указал на небольшой стульчик в углу. — И сидела там, сцепив руки и опустив глаза. Я понимал, что не надо молчать, надо поговорить с ней. Сказал, что зашел спросить у Джона, не собирается ли он установить телефон. При этих словах она начала смеяться, но потом замолчала и испуганно на меня посмотрела.

Заскрипел карандаш, и Хейл взглянул на прокурора.

— Я не знаю... может быть, и не испуганно, — заторопился он. — Я не уверен. Вскоре вернулся Гарри, потом приехал доктор Ллойд, а потом и вы, мистер Питерс, так что, полагаю, это все. Остальное вы знаете.

Последнюю фразу он произнес с облегчением и расслабленно пошевелился. Все тоже задвигались. Прокурор Хендерсон подошел к двери, ведущей на лестницу.

— Думаю, мы сначала поднимемся наверх, потом осмотрим сарай и прилегающую территорию, — сказал он, затем замолчал и обвел глазами кухню. — Вы уверены, что здесь нет ничего важного? — спросил он шерифа. — Ничего, что помогло бы... найти мотив?

Шериф тоже обвел взглядом кухню, словно желая убедиться в своей правоте.

— Ничего, разве что кухонная утварь, — сказал он со смешком, подчеркивая незначительность таких вещей.

Окружной прокурор смотрел на громоздкий буфет. Это был наполо-

вину шкаф, наполовину сервант; верхняя часть его была встроена в стену, а нижняя представляла собой старомодный кухонный шкаф для посуды. Но этот странный буфет словно притягивал Хендерсона. Он забрался на стул, открыл верхние дверцы и заглянул внутрь. Через секунду он вытащил руку, которая попала во что-то липкое.

— Ну и грязь же тут, — сказал он с возмущением.

Женщины подошли поближе, и тут заговорила жена шерифа:

— Ее варенье! — воскликнула она, ища взглядом поддержки миссис Хейл.

Потом она повернулась к Хендерсону и стала объяснять ему: «Миссис Райт волновалась, что ночью так похолодало. Она сказала, что огонь потухнет, и банки могут лопнуть».

Шериф разразился смехом.

— Ну, вот что с этими женщинами делать! Ее арестовали за убийство, а она беспокоится о банках с вареньем!

Молодой прокурор поджал губы.

— Полагаю, ей надо думать о серьезных вещах.

— Ну да, — снисходительно заметил муж миссис Хейл, — женщины всегда беспокоятся по пустякам.

Женщины придвинулись друг к другу. Обе молчали. Тут окружной прокурор подумал о своей политической карьере и вспомнил о манерах.

— Не беда, что дамы иногда волнуются по пустякам, — произнес он обходительно. — Ведь что бы мы без них делали?

Женщины не проронили ни слова. Хендерсон подошел к умывальнику и стал мыть руки. Потом он взял полотенце и принялся вертеть его, отыскивая место почище.

— Какие грязные полотенца! Она не слишком-то хорошая хозяйка, не так ли, дамы?

Он толкнул ногой грязную посуду под умывальником.

— На ферме всегда много работы, — сухо ответила миссис Хейл.

— Конечно, и все же, — небольшой поклон в ее сторону, — я уверен, что в некоторых домах в округе Диксон полотенца не такие грязные, — сказал он, выпрямляясь во весь рост.

— Полотенца быстро грязнятся. Мужчины плохо моют руки.

— Ну, женщины друг друга в обиду не дадут, — засмеялся он, потом замолчал и внимательно посмотрел на нее. — Но миссис Райт была вашей соседкой. Наверняка, и подругой.

Марта Хейл покачала головой.

— В последние годы мы с ней почти не виделись.

— Почему? Она вам не нравилась?

— Нравилась, — ответила Марта с жаром. — Но у женщины на ферме всегда дел невпроворот, мистер Хендерсон. Да и потом... — она оглядела кухню.

— Да? — ободряюще переспросил он.

— Здесь всегда было безрадостно, — сказала она, обращаясь больше к себе самой.

— Мало кто назовет это место веселым. Кажется, она не стремилась создать домашний уют.

— Да и сам Райт не сильно старался, — пробормотала Марта.

— Вы хотите сказать, что они не ладили друг с другом? — быстро спросил он.

— Нет, я ничего такого не говорю, — уверенно ответила она. — Не ду-

маю, что Джон Райт приносил в дом радость, — добавила она, слегка от-  
вернувшись от него.

— Я поговорю с вами об этом позже, миссис Хейл, — сказал окру-  
жной прокурор. — Сейчас мне надо осмотреть верхний этаж.

Он направился к лестнице, мужчины последовали за ним.

— Полагаю, ничего страшного, если миссис Питерс соберет для нее  
одежду, личные вещи? — спросил шериф. — Вчера мы уехали в спешке.

Прокурор посмотрел на двух женщин, которые оставались на кухне  
одни.

— Конечно... миссис Питерс, — сказал он, но взглянул, однако, не на  
жену шерифа, а на крупную фермершу, которая стояла позади миссис  
Питерс. — Разумеется, миссис Питерс свой человек, — продолжил он,  
словно посвящая ее в ход расследования. — И будьте внимательны, воз-  
можно, вы обнаружите важную деталь. Кто знает, вдруг вам удастся раз-  
гадать мотив... это как раз то, что мы ищем.

— Если женщины найдут что-то, поймут ли они, что это ключ к раз-  
гадке? — добродушно спросил мистер Хейл и стал подниматься вслед за  
мужчинами.

Женщины стояли неподвижно и молчали, прислушиваясь к шагам  
сначала на лестнице, а потом над ними.

Затем, словно освобождаясь от гнетущего чувства, миссис Хейл при-  
нялась расставлять посуду под умывальником, которую разбросал окру-  
жной прокурор.

— Не хотела бы я, чтобы ко мне на кухню заявились мужчины, —  
запальчиво сказала она. — Суют нос в чужие дела и еще критикуют.

— Такая у них работа, — покорно ответила жена шерифа.

— Работа — другое дело, — воскликнула миссис Хейл. — Я уверена,  
что помощник шерифа, который утром развел для нас огонь, тоже выти-  
рал руки, — сказала она, дернув полотенце. — Жаль, я раньше об этом  
не подумала! Ей пришлось уехать в страшной спешке, а они еще спраши-  
вают, почему здесь такой беспорядок.

Марта огляделась вокруг. Конечно, на кухне не убрано. Ее взгляд  
задержался на ведерке с сахаром на нижней полке. Крышка была снята,  
а рядом лежал наполовину наполненный бумажный пакет. Миссис Хейл  
шагнула к буфету.

— Она пересыпала сахар, — тихо сказала Марта.

Она вспомнила, что и у нее на кухне осталась только наполовину про-  
сеянная мука. Но работу пришлось отложить, потому что ей помешали.  
Так что же отвлекло Минни Фостер? Почему она бросила свое занятие на  
полпути? Марта не любила незавершенную работу, поэтому она дернулась  
было закончить ее, но, оглянувшись, увидела, что миссис Питерс смот-  
рит на нее. А ей не хотелось, чтобы жена шерифа поняла, что дела на  
кухне оказались почему-то брошенными.

— Работа ее варенье, — сказала она и подошла к буфету, в который  
заглядывал окружной прокурор. — Может, какие-нибудь банки уцеле-  
ли, — пробормотала она, взобравшись на стул.

Внутри было жалкое зрелище, но она все-таки вытащила одну  
банку.

— Вот эта вроде уцелела, — сказала она, поднося ее к свету. — Это  
тоже вишни. Нет, одна только сохранилась, — вздохнула она, снова за-  
глянув внутрь.

Она слезла со стула, подошла к умывальнику и протерла банку.

— Минни расстроится, если узнает. Столько трудов вложено! А какая тогда стояла жара! Я помню, как сама закрывала банки летом.

Марта поставила банку на стол, снова вздохнула и хотела сесть в кресло-качалку. Но остановилась, словно что-то удержало ее; она выпрямилась и отошла назад. Стоя вполоборота, Марта опять посмотрела на кресло — ей казалось, что она видит женщину, которая сидела там, заглаживая складки на фартуке.

— Мне нужно забрать ее вещи из шкафа в гостиной, — раздался тоненький голосок жены шерифа. Открыв дверь в другую комнату, миссис Питерс поспедила на пороге. — Вы не пойдете со мной, миссис Хейл? — нервно спросила она. — Я буду благодарна, если вы мне поможете.

В гостиной они пробыли недолго: там было так холодно, что они постарались вернуться на кухню как можно скорее.

— Ну и дела! — воскликнула миссис Питерс, кладя вещи на стол и поспешив к печке.

Миссис Хейл осталась стоять, рассматривая одежду, которую попросила задержанная.

— Райт был скуп! — заметила она, взяв в руки старенькую черную юбку, которую много раз перешивали. — Думаю, Минни держалась особняком, потому что стеснялась своей поношенной одежды. А ведь раньше она носила такие хорошенькие платья и была такая веселая! Тогда ее еще звали Минни Фостер. Она жила в городке и пела в хоре. Но это было... Да... с тех пор прошло уже двадцать лет.

Марта аккуратно, почти с нежностью сложила потрепанную одежду в стопочку и оставила ее на краю стола. Она посмотрела на миссис Питерс, и что-то во взгляде другой женщины рассердило ее.

«Ей-то все равно, — подумала она. — Какая ей разница, как нарядно одевалась Минни Фостер, когда была молодой девушкой».

Она снова взглянула на жену шерифа и на этот раз засомневалась. Иногда миссис Питерс была для нее настоящей загадкой: несмотря на все ее застенчивые манеры, ее взгляд, казалось, проникал в суть вещей.

— Мы все собрали? — спросила миссис Хейл.

— Нет, — ответила миссис Питерс, — она еще попросила фартук. Странно, правда? — с волнением произнесла она. — Разве в тюрьме можно запачкаться? Мне кажется, ей просто нужно что-нибудь привычное, а она всегда носила фартук... Она сказала, что он лежит в нижнем ящике буфета... А вот и он... И на двери должна висеть шаль.

Взяв небольшую серую шаль, она некоторое время просто стояла и рассматривала ее.

Внезапно миссис Хейл быстро шагнула к жене шерифа.

— Миссис Питерс! — позвала она.

— Да, миссис Хейл? — отозвалась та.

— Вы думаете, что... это сделала она?

Взгляд миссис Питерс стал испуганным.

— Я не знаю, — произнесла она, уклоняясь от прямого ответа.

— Я в это не верю, — решительно заявила миссис Хейл. — Она попросила фартук, маленькую шаль, беспокоилась о варенье.

— Мистер Питерс говорит... — начала жена шерифа, но замолчала и взглянула наверх, где были слышны шаги. — Мистер Питерс считает, что все улики против нее, — продолжила она, понизив голос. — Мистер Хендерсон в суде суров и язвителен, он поднимет ее на смех, если она скажет, что не проснулась.

Несколько мгновений миссис Хейл молчала.

— Джон Райт тоже не проснулся, когда ему на шею накидывали петлю, — пробормотала она.

— Да, и это очень странно, — прошептала миссис Питерс. — Они считают, что мужчин таким способом редко убивают.

Она хотела было засмеяться, но осеклась.

— То же самое сказал мистер Хейл, — решительно произнесла Марта. — В доме было ружье. Этого они и не могут понять.

— Мистер Хендерсон никак не может найти мотив. Нечто такое, что укажет на вспышку гнева.

— Ну, я не вижу здесь никаких признаков гнева, — сказала миссис Хейл. — Я не... — она замолчала. Казалось, что-то пришло ей в голову. Тут она обратила внимание на кухонное полотенце, лежащее на середине стола. Марта медленно подошла к столу: одна половина его была чисто вымыта, а вторая была грязной. Ее взгляд невольно упал на ведро с сахаром и на лежащий рядом не до конца наполненный пакет. Начатые, но незавершенные дела.

Она отошла назад и попыталась отвлечься от этих мыслей.

— Интересно, как там, на верхнем этаже? Надеюсь, все прибрано. Знаете... — она запнулась от нахлынувших чувств, — это похоже на подлую уловку: пока ее держат в городе, они приезжают сюда вынюхивать. Ее дом обратили против нее самой.

— Но, миссис Хейл! Закон есть закон, — сказала жена шерифа.

— Так-то оно так, — отрывисто ответила миссис Хейл.

Она повернулась к печке и стала ворчать о том, что огонь никуда не годится. С минуту она возилась там, а потом выпрямилась и с жаром заговорила:

— Закон есть закон, а плохая печка есть плохая печка. Как можно на ней готовить? — с досадой спросила она, указывая на потрескавшуюся облицовку. Марта открыла духовку и с горечью подумала о том, каково это было, год за годом стряпать на такой печке. Она представила, как Минни пытается испечь в ней пирог; вспомнила о том, что не приезжала к ней в гости. Она вздрогнула, когда услышала голос миссис Питерс: «Человек впадает в уныние и тогда теряет силу духа».

Жена шерифа с пониманием смотрела на умывальник, на ведро с водой, которое приносили с улицы. Две женщины стояли и молчали, а над ними были слышны шаги мужчин, которые искали улики против хозяйки дома.

— Можно раздеться, миссис Питерс, — мягко сказала Марта.

Миссис Питерс прошла в конец комнаты и повесила свою меховую горжетку.

— Смотрите, миссис Райт шила лоскутное одеяло, — спустя мгновение воскликнула она, взяв большую корзинку для рукоделия.

Миссис Хейл разложила лоскуты на столе.

— Она шила «срубом», — сказала она, складывая некоторые из них вместе. — Красиво, правда?

Женщины так увлеклись, что не слышали шагов на лестнице.

— Вы думаете, она хотела подбить его ватой или соединить лоскутки узелками? — спросила миссис Хейл, и в этот момент дверь распахнулась.

Шериф развел руками: «Они думают, как она собиралась дошить свое одеяло!» Мужчины засмеялись, стали греть руки над печкой.

— Давайте теперь осмотрим сарай и распутаем, наконец, это дело, — поторопил их окружной прокурор.

— Какая им разница, чем мы занимаемся, пока они ищут улики, — возмутилась миссис Хейл, как только за мужчинами закрылась дверь. — В этом нет ничего смешного.

— Просто у них голова занята важными делами, — сказала жена шерифа извиняющимся тоном.

Они продолжили рассматривать лоскутный узор. Миссис Хейл смотрела на аккуратные, ровные стежки и думала о женщине, которая трудилась над ними.

— Ой, посмотрите, — сказала миссис Питерс странным голосом.

Марта обернулась и взяла у нее сшитые лоскутки.

— Шитье, — сказала миссис Питерс взволнованно, — все сшито так аккуратно, кроме вот этого кусочка. Она, кажется, не понимала, что делает.

Их глаза встретились; что-то промелькнуло, вспыхнув, между ними, и они с трудом отвели взгляд. Несколько мгновений миссис Хейл разглядывала лоскутик, чье шитье так отличалось от остальных, а потом развязала узелок и стала распарывать нитки.

— Что вы делаете, миссис Хейл? — испуганно спросила жена шерифа.

— Просто распарываю несколько стежков, которые не очень хорошо получились, — мягко ответила миссис Хейл.

— Думаю, нам нельзя здесь ничего трогать, — беспомощно возразила миссис Питерс.

— Я только закончу вот эту строчку, — спокойно ответила миссис Хейл.

Она вдела нитку в иголку и принялась шить, заменяя неровные стежки аккуратной строчкой. Некоторое время она шила молча.

— Миссис Хейл! — снова услышала она тоненький голосок.

— Да, миссис Питерс?

— Как вы думаете, отчего она так нервничала?

— Не знаю, — ответила миссис Хейл, словно это было не важно. — Может, она не волновалась. Я сама плохо шью, когда устану.

Она отрезала нитку и украдкой покосилась на миссис Питерс: на маленьком личике жены шерифа застыло напряженное выражение, а взгляд стал внимательным. Но вот миссис Питерс пошевелилась и снова нерешительно залепетала:

— Мне надо завернуть ее одежду. Они могут вернуться совсем скоро. Где же мне найти бумагу и моток бечевки?

— Наверное, вон в том буфете, — предположила, оглядевшись, миссис Хейл.

Миссис Питерс отвернулась, а Марта внимательно рассмотрела кривые стежки, сравнив с тончайшей работой на других швах. Разница была поразительная. Странное чувство охватило миссис Хейл: она словно подслушала мысли Минни, которая выразила их на лоскутах ткани.

Голос миссис Питерс вернул ее к действительности:

— Здесь птичья клетка. У нее была птица?

— Я не знаю, — ответила Марта и обернулась посмотреть на клетку. — Я давно не была у нее, — она вздохнула. — В прошлом году один человек ходил по округе и дешево продавал канареек. Может, она взяла одну. Кто знает. Сама она прекрасно пела.

Миссис Питерс обвела взглядом кухню.

— Подумать только — здесь жила птичка! — холодно засмеялась она. — Но птица наверняка была — иначе зачем ей клетка? Интересно, что с ней стало.

— Возможно, ее съел кот, — предположила миссис Хейл, возвращаясь к своему шитью.

— Нет, у нее не было кота. Она их не любила. Когда ее вчера привезли к нам домой, и моя кошка забежала в комнату, миссис Райт так разволновалась, что попросила меня отнести животное в другую комнату.

— Прямо, как моя сестра Бэсси, — засмеялась миссис Хейл.

Жена шерифа не ответила. Тишина заставила миссис Хейл обернуться: миссис Питерс внимательно осматривала клетку.

— Взгляните на дверцу, — медленно сказала она. — Она сломана. Висит на одной петельке.

Миссис Хейл подошла поближе.

— Как будто кто-то грубо дернул ее.

И снова взгляд их встретился: испуганный, вопрошающий, настороженный. Они замерли на несколько мгновений, и ни одна из них не проронила ни слова.

— Если они ищут доказательства, то пусть посмотрят на это, — наконец произнесла миссис Хейл. — Мне это не нравится.

— Я так рада, что вы поехали со мной, миссис Хейл, — жена шерифа поставила клетку на стол и села. — Было бы так тоскливо здесь одной.

— Конечно, — согласилась Марта. — Знаете, о чем я жалею, миссис Питерс? — пробормотала она изменившимся голосом. — Я жалею, что никогда не приезжала к ней в гости. Как бы я хотела, чтобы все было по-другому!

— Но у вас столько дел и хлопот, миссис Хейл. Дом, дети.

— Я могла бы приехать, — резко возразила миссис Хейл. — Я обходила стороной этот хмурый дом. Не знаю, почему, но я никогда не любила это место. Унылая лощина, дорогу не видно. Но я должна была хоть изредка заезжать к Минни. Теперь я так жалею, что не навещала ее. Сейчас-то я понимаю, что... — она запнулась.

— Не корите себя, — утешала ее миссис Питерс. — Мы не знаем, как живут другие, пока не случится что-нибудь.

— Когда нет детей, то забот меньше, — задумчиво произнесла миссис Хейл спустя некоторое время, — но в доме такая тишина. Райт все время работал, а когда приходил, то ничего не менялось. Вы знали Джона Райта, миссис Питерс?

— Нет, лично не знала, но видела в городе. Говорят, он был хорошим человеком.

— Да... хорошим, — с неохотой согласилась Марта. — Он не пил, держал слово, отдавал долги. Но это был жестокий человек. Даже провести с ним день... — она умолкла и чуть вздрогнула. — Жестокий, как мороз, который пробирает до самых костей, — ее взгляд упал на птичью клетку. — Я думаю, Минни любила птичку — как-никак живое существо, — продолжила она с горечью.

Она наклонилась вперед и внимательно осмотрела клетку.

— Как вы думаете, что стало с птицей?

— Не знаю, — ответила миссис Питерс, — может, заболела и умерла.

Она потянулась и открыла сломанную дверцу, которая повисла на одной петле.

— Вы знали Минни? — мягко спросила миссис Хейл.

— До вчерашнего дня — нет, — ответила жена шерифа.

— Она... сама была как птичка: нежная, милая, слегка застенчивая и трепещущая. Как она изменилась...

Марта надолго задумалась. Наконец она оживилась: ей в голову пришла удачная мысль.

— Знаете что, миссис Питерс? — воскликнула она. — Почему бы не передать ей лоскутное одеяло? Это ее развеселит.

— Замечательная идея, миссис Хейл, — от всего сердца порадовалась жена шерифа. — Возражать никто не будет, да? Что же мне взять?

Они повернулись к корзинке для рукоделия.

— Вот красивые кусочки, — сказала миссис Хейл, вытаскивая сверток тряпок. Под ним лежала коробочка. — Наверно, здесь лежат ее ножницы. Ах, какая милая вещица! Ручаюсь, она осталась у нее со времен девичества.

Она подержала коробочку в руках, а потом со вздохом открыла.

— Ой! — ее рука мгновенно взлетела к носу.

Миссис Питерс придвинулась ближе, но потом тоже отстранилась.

— Там что-то завернуто в шелк, — сказала Марта испуганным голосом.

— Это не ножницы, — задрожала миссис Питерс.

Трясущейся рукой миссис Хейл развернула шелковую материю.

— Ой, миссис Питерс! — воскликнула она. — Это...

Миссис Питерс наклонилась ближе.

— Это птичка, — прошептала она.

— Миссис Питерс! — вскрикнула миссис Хейл. — Посмотрите!.. Посмотрите на ее головку! Она повернута в другую сторону.

Миссис Хейл отстранилась, а над коробочкой, которую она держала на вытянутой руке, склонилась жена шерифа.

— Кто-то свернул ей шейку, — медленно произнесла она.

Их взгляды скрестились, как клинки, сейчас они уже не могли их отвести — в них забрезжила догадка, и рос страх.

Потом миссис Питерс посмотрела на сломанную дверцу, и они снова переглянулись. У входной двери послышались шаги. Миссис Хейл спрятала коробочку под лоскутки в корзинке и опустилась на стул. Миссис Питерс осталась стоять, ухватившись за край стола. В дом вошли окруженной прокурор и шериф.

— Ну что, дамы, — шутливо начал Хендерсон, — вы решили, как она собиралась закончить одеяло?

— Мы думаем, — взволнованно сказала жена шерифа, — что она собиралась скрепить его узелками.

Но он был так погружен в свои мысли, что не заметил, как изменился ее голос.

— Что ж, это очень интересно, — снисходительно заметил он. Тут он увидел клетку.

— Птица вылетела?

— Мы думаем, ее поймал кот, — сказала миссис Хейл удивительно спокойным голосом.

Хендерсон расхаживал по кухне, размышляя о чем-то.

— Есть еще кот? — рассеяно спросил он.

Миссис Хейл бросила быстрый взгляд на жену шерифа.

— Он убежал, — сказала миссис Питерс. — Есть поверье, что они покидают дом, когда нет хозяйки.

Она без сил опустилась в кресло.

Окружной прокурор не заметил и этого. «Никаких следов взлома, — сказал он Питерсу, словно продолжая неоконченный разговор. — Веревка их. Давайте опять поднимемся наверх и все тщательно осмотрим. Это мог быть тот, кто знал...»

Дверь на лестницу закрылась, и голоса стихли.

Женщины сидели неподвижно и не смотрели друг на друга; они медлили, пытаясь осмыслить свои открытия. Наконец они заговорили, и видно было, что они боятся своих слов, но и молчать не могут.

— Она любила эту канарейку, — медленно и тихо произнесла Марта Хейл. — Собиралась похоронить ее в этой красивой коробочке.

— Когда я была маленькой, — прошептала миссис Питерс, — у меня был котенок... Один мальчишка взял топорик... и прямо у меня на глазах... прежде чем я успела подбежать... — она закрыла лицо руками. — Если бы тогда меня не удержали ... — она взглянула наверх, где были слышны шаги, — я бы покалечила негодяя.

Они снова погрузились в молчание.

— Интересно, — неуверенно начала миссис Хейл, словно ступая на зыбкую почву, — каково было жить в доме, в котором никогда не было детей? — Она заскользила глазами по кухне, пытаясь представить эту картину. — Райт ненавидел птичку, — продолжила она спустя какое-то время. — Это создание могло петь, как и Минни когда-то. Он их погубил, — жестким голосом закончила она.

Миссис Питерс беспокойно заерзала в кресле.

— Но мы не знаем, кто убил канарейку, — сказала она.

— Я знаю. Джон Райт.

— В ту ночь в этом доме случилась страшное дело, миссис Хейл, — сказала жена шерифа. — Убили спящего человека: накинули на него петлю и задушили.

Рука миссис Хейл легла на птичью клетку.

— Мы не знаем, кто убил его, — яростно зашептала миссис Питерс. — Мы не знаем.

Миссис Хейл сидела неподвижно.

— Годы и годы... пустоты. Затем появляется птичка, которая поет тебе. А потом птичка затихает, и наступает тишина, — сказала она, и ее голос задел сокровенные струны души миссис Питерс.

— Я знаю, что такое пустота, — произнесла она глухо. — Когда мы жили в Дакоте... мой ребенок умер... ему было два года... Больше у меня не было ...

Миссис Хейл пошевелилась.

— Как долго, вы думаете, они будут искать улики?

— Я знаю, что такое пустота, — повторила миссис Питерс. — Закон должен наказывать человека за преступление, миссис Хейл, — сухо сказала она.

— Жаль, что вы не видели Минни Фостер, когда она надевала белое платье с синей лентой и пела в хоре.

Нестерпимое чувство вины охватило Марту, когда перед ней возник образ девушки, которая все эти годы жила с ней по соседству и которой она позволила умереть, задохнувшись от недостатка жизни.

— Почему я не приезжала к ней хоть изредка? — закричала она. — Это вот преступление! И кто накажет за это?

— Мы не должны винить себя за это, — сказала миссис Питерс, кидая испуганный взгляд на лестницу.

— Я должна была знать, что она ждет меня. Это ужасно, миссис Питерс! Мы жили рядом, но в то же время так далеко друг от друга. Мы все проходим через это, в той или иной мере. Ведь мы понимаем ее! Ведь мы же догадались!

Она закрыла лицо руками и с трудом сказала: «На вашем месте я бы не стала говорить ей, что варенье пропало. Скажите, что все банки целы. Вот, возьмите эту в качестве доказательства. Она, возможно, так никогда и не узнает». Миссис Хейл отвернулась.

Миссис Питерс потянулась за банкой, словно была рада прикоснуться к знакомой вещи, заняв себя чем-нибудь и не потерять самообладание. Она поднялась и стала искать, во что завернуть банку. Взяла юбку из стопки одежды и обернула ее вокруг банки.

— Господи! — начала она высоким фальшивым голосом. — Хорошо, что нас не слышат мужчины! Какую суматоху мы подняли из-за пустяка — мертвой канарейки, — заторопилась она. — Как будто это как-то связано с... Ну, разве они не будут смеяться?

На лестнице послышались шаги.

— Возможно, будут, — пробормотала миссис Хейл. — А может, и нет.

— Нет, Питерс, — язвительно сказал прокурор, заходя на кухню, — все предельно ясно, отсутствует только мотив. Но вы знаете, как присяжные относятся к женщинам. Если бы у нас было вещественное доказательство, из которого можно раздуть историю и которое объяснило бы это странный способ убийства.

Женщины украдкой переглянулись. Открылась входная дверь, и вошел мистер Хейл.

— Там уже бригада приехала, — сказал он. — Ну и холод.

— Я пока останусь, — неожиданно заявил окружной прокурор. — Пришлите ко мне Фрэнка, — попросил он шерифа. — Я хочу осмотреть все до последнего дюйма. Я недоволен результатами, мы что-то упустили.

Женщины снова обменялись взглядами. Шериф подошел к столу.

— Проверите вещи, которые собрала миссис Питерс?

Хендерсон взял фартук и рассмеялся.

— Полагаю, они не взяли ничего опасного.

Рука миссис Хейл лежала на корзинке, в которой была спрятана коробочка с птичкой. Она чувствовала, что нужно убрать руку, но сил не было. Он поднял один из лоскутов, под которыми она спрятала коробочку. В ее глазах сверкнул огонь. Ей казалось, что если он возьмет корзинку, то она вырвет ее у него.

Но он не взял корзинку. Просто рассмеялся и отвернулся.

— Нет, — ответил он, — миссис Питерс не нуждается в проверке. В конце концов, жена шерифа замужем за законом. Вам это никогда не приходило в голову, миссис Питерс?

Миссис Питерс стояла у стола. Миссис Хейл метнула на нее быстрый взгляд, но не смогла увидеть ее лицо — та отвернулась.

— Нет... не в таком роде, — пробормотала она.

— Замужем за законом, — захохотал муж миссис Питерс. Он подошел к двери, ведущей в гостиную. — Давайте пройдем сюда на минуту. Нужно осмотреть окна, — сказал он прокурору.

— А, окна, — презрительно произнес Хендерсон.

— Мы быстро управимся, мистер Хейл, — сказал шериф фермеру, который ждал их у двери.

Хейл вышел присмотреть за лошадьми. Шериф пошел за прокурором в гостиную. И снова, напоследок, женщины остались одни.

Марта Хейл вскочила, сжав руки. Жена шерифа все так и стояла отвернувшись. Но Марта смотрела на нее, и ее взгляд заставил миссис Питерс обернуться. Несколько мгновений они словно были связаны этим твердым и пылающим взглядом. Затем Марта посмотрела на корзинку для рукоделия, в которой была спрятана птица — доказательство вины женщины, которая была далеко, но незримо присутствовала весь этот час.

Миссис Питерс застыла. Но потом, торопясь, развернула лоскутки, схватила коробочку и попыталась положить ее в свою сумочку. Но коробочка была слишком большой, поэтому она открыла ее и стала вытаскивать птичку. Тут она совсем потеряла присутствие духа — не могла дотронуться до канарейки и растерянно стояла, не зная, что делать дальше.

И вот уже поворачивается ручка двери. Миссис Хейл хватает коробочку и прячет ее в большой карман своего пальто. В этот момент входят шериф и окружной прокурор.

— Ну, Генри, — шутливо сказал прокурор, — по крайней мере, мы узнали, что она не собиралась подбивать свое лоскутное одеяло ватой. Она хотела... как вы это называете, дамы?

Миссис Хейл сжала коробочку в кармане.

— Мы говорим: завязать узелок, мистер Хендерсон.